

ОТЦЫ И ДЕТИ

— Да, это я. Добрый день! — голос молодой, темпераментный и благожелательный.

Знает ли мать самого младшего Жоржа д'Антеса (о роде д'Антесов см. также публикацию в «СК», 13.10.90. — Н. П.) о драме, к которой причастна ее семья? Сoglасится ли побеседовать с журналисткой из Москвы?

— С удовольствием! Только не сейчас. Я еду на вокзал встречать свою маленькую внучку, которая приезжает ко мне в гости. Давайте созвонимся вечером, часов в девять. Я уложу ее спать и буду посвободнее, — говорит Франсуаза д'Антес.

кина. Он был слишком революционер для своего времени! Он был против всего!

Бывала ли госпожа д'Антес в России? Читает ли русскую литературу, которую столь щедро переводят во Франции?

— К сожалению, не бывала, хотя до сих пор мечтаю побывать. Русскую литературу читаю, но особенно внимательно за ней следил мой муж Жорж д'Антес. Он был журналистом. А у вас известна книга Анри Труайя о Пушкине? Написать ее Труайя помог мой тесть, который предоставил ему документы, принадлежащие семье д'Антесов.

Трубку подняла Госпожа д'Антес...

И мы созваниваемся.

— Знаете ли вы, какие чувства по сей день вызывает в нашей стране имя Жоржа д'Антеса, убившего нашего великого поэта Александра Пушкина? — спрашиваю я.

— Знаю, конечно. И я вас очень хорошо понимаю! Но скажите, кто был виноват в той трагической истории? Жена Пушкина была обворожительна, но и Жорж д'Антес был очень красив, и его обожали женщины. Ходили сплетни, что жена Пушкина изменяла с ним своему мужу, но кто это знает наверняка? Ведь это был свет — узкий, замкнутый мирок, где царил интриги и где у Пушкина было множество завистников и недоброжелателей. Вспомните эти ужасные анонимные письма! Пушкина во что бы то ни стало хотели посорить с Жоржем д'Антесом! Сейчас времена другие, и на сплетни никто не обращает внимания. А тогда, в ту эпоху... — вздыхает госпожа д'Антес! Но ведь Жорж д'Антес не хотел стреляться! Он искал примирения с Пушкиным. Но дуэль все же состоялась. Пушкин был превосходным стрелком, но д'Антес оказался лучшим... Однако, насколько мне известно, у Пушкина это была не первая, а, кажется, восьмая или девятая по счету дуэль. Тогда ссоры часто заканчивались дуэлью. Такое было время... Но Жорж д'Антес до конца жизни мучился угрызениями совести. Эта драма для всех д'Антесов была настоящим семейным проклятием...

— Знакомы ли вы с письмом одного из д'Антесов, хранящимся у писателя Клода Сеньоля, который и рассказал мне о вас?

— Как же я могу быть с ним незнакома, если это письмо в числе других документов наша семья передала на хранение господину Сеньолю? Наверное, он говорил вам о письме, в котором отец моего мужа просит бельгийского банкира оказать содействие и предоставить работу потому Пушкина, оказавшемуся в Брюсселе без средств к существованию. Конечно, это было естественным движением души — помочь потому Пушкина, который находился в бедственном положении, но д'Антесам хотелось хоть как-то загладить свою вину перед родом Пушкиных. Потому что, как я уже сказала, всех д'Антесов мучило чувство вины за свершившуюся драму, — говорит госпожа д'Антес.

— Любите ли вы сами Пушкина?

— Да! Это был фантастический, блистательный поэт!

— Вы читаете его по-русски или по-французски? Я знаю, что стихи Пушкина плохо поддаются переводу.

— К сожалению, я не знаю русского. Но и в переводах ощущается дух Пуш-

— Сколько же лет вашему сыну — самому младшему Жоржу д'Антесу? Чем он занимается? — спрашиваю я свою невидимую собеседницу.

— Ему тридцать лет. Он — советник по финансовым вопросам и живет в Женеве. И моя трехлетняя внучка — это его дочка.

— Будете ли вы посвящать ее в историю вашей семьи?

— Сейчас она слишком мала, хотя для своих трех с половиной лет это очень смысленный ребенок. Она уже учится читать. В прошлом году она видела пистолет, из которого был убит Пушкин, так что рано или поздно она, конечно, узнает о семейной драме.

— Вас очень трудно заставить дома. Я целую неделю не могла вам дозвониться. Вы работаете?

— Да, хотя, знаете, сколько мне лет? Семьдесят.

— Неужели? И такой молодой голос!

— Да, я действительно похожа на старушку с палочкой! — говорит, смеясь Франсуаза д'Антес. — И я с утра до вечера курсирую по Парижу, выполняя различные поручения, которые люди не отваживаются доверить молодым. Ну, например, обратиться по чьей-то просьбе к адвокату или что-нибудь в этом роде. Конечно, я могла бы не работать. Я получаю пенсию, но мне ее не хватает, чтобы жить, ну как бы вам сказать...

— В свое удовольствие?

— Вот-вот. Я не люблю себе ни в чем отказывать, обожаю путешествовать. А для этого нужны деньги. Вот я их и зарабатываю.

— Вас, наверное, без конца осаждают мои соотечественники — пушкинисты и не пушкинисты?

— Нет. Вы — первая, кто ко мне обратился из вашей страны. И какая жалость, что завтра вы уже улетае! Если соберетесь еще раз в Париж, обязательно напишите мне заранее! Мы обязательно встретимся и вместе пообедаем.

— Прислать вам открытки с видами Москвы, Ленинграда?

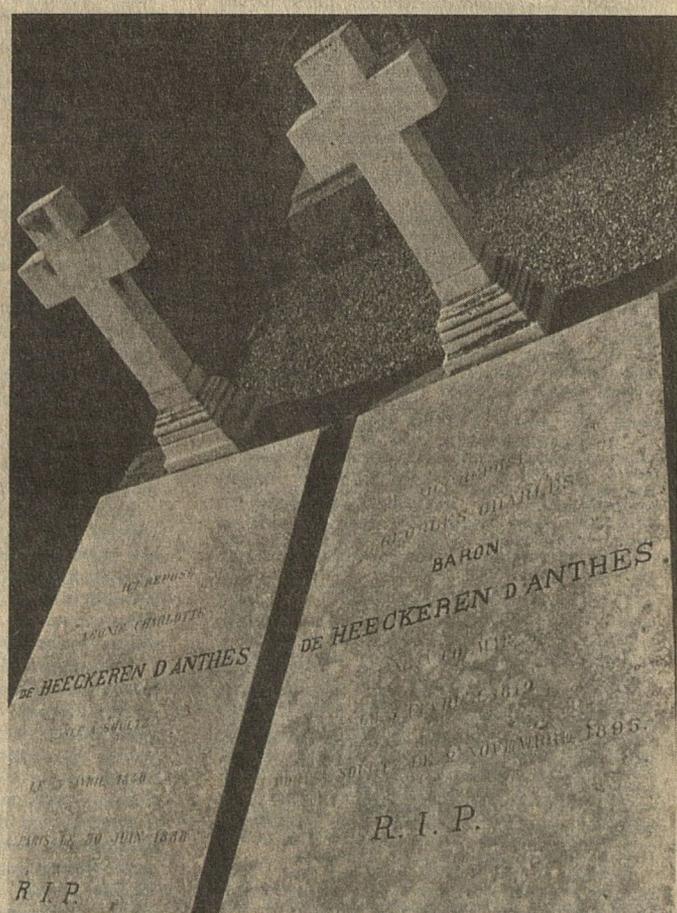
— Любой вести из вашей страны я буду очень рада. Ну а как там у вас? Что сейчас происходит? — и госпожа д'Антес засыпает меня вопросами.

Заканчивая этот мирный разговор с представительницей семьи д'Антесов, я с грустью думала о том, сколь многое еще не известно и не изучено из того, что прямо или косвенно связано с именем нашего национального гения. А ведь стоит лишь протянуть руку...

Прав был Пушкин: до чего же «мы ленивы и нелюбопытны...»!

Наталья ПОПОВА.
ПАРИЖ — МОСКВА.

Р. С. Уже в Москве я получила от баронессы Геккерен д'Антес родословную ее семьи и сердечное письмо, в котором она «желает счастливого и успешного года великой и прекрасной России».

● Могилы Леони и Жоржа д'Антес. Фото Н. Ермакова.